

Къ 500-лѣтію кончины Яна Гуса.

(23 іюня 1415—1915 г.).

„О чешскій край, о родъ единокровный!
Не отвергай наслѣды своего,
О, доверши же подвигъ свой духовный
И братскаго единства торжество“.

Тютчевъ.

Для молодого Общества имени Яна Гуса въ Москвѣ, для чешскаго народа и вообще для всего славянскаго міра день 23 іюня сего года является чрезвычайно знаменательнымъ: 500 лѣтъ тому назадъ въ Швабіи у города Констанца, по чешски Костницы, на берегу Боденскаго озера, низкіе подонки человѣческой души: зависть и злоба, насиліе надъ убѣжденіемъ другого, умственная тупость и до крайности узкое самолюбіе, а съ другой стороны полная нетерпимость къ идеямъ и вѣрованію нашего брата-славянина, вѣроятно, основанная на всегдашней непріязни тевтонской расы къ славянской, повѣрку которой мы наблюдаемъ въ настоящее время,—эти низменныя человѣческія силы попытались позорнымъ сожженіемъ на кострѣ подавить смѣло отстаиваемыя Гусомъ до послѣдняго издыханія положенія, что тамъ, гдѣ славянинъ географически преобладаетъ численностью, тамъ онъ долженъ быть и хозяиномъ дѣла, что славянину въ дѣлахъ его духовной совѣсти должна быть предоставлена свобода.

Палачи Гуса его казню хотѣли навсегда прекратить вліяніе его сильнаго ума на современниковъ, уничтожить въ корнѣ его добрые порывы къ поддержанію порядочности, нравственности и достигли какъ разъ обратнаго: весь чешскій народъ сталъ на защиту

дѣлъ своего учителя, а его духовныя идеи понеслись по всему міру. Но много понадобилось челоувѣчеству времени, чтобы по достоинству заклеить убійцъ Гуса: еще Савонарола былъ опять сожженъ на кострѣ, и только спустя 100 лѣтъ послѣ мученической смерти Гуса Лютеръ могъ свободно стоять на сеймѣ за свои убѣжденія и умереть своею смертію, а германскій императоръ Карлъ V, когда ему предложили поступить съ Лютеромъ такъ же, какъ съ Гусомъ, настоялъ на свободѣ Лютера, сказавъ, что не хочетъ покраснѣть, какъ его предшественникъ, т. е. Сигизмундъ IV, отказавшійся отъ своей охранный Гусу грамоты. Такимъ образомъ, спустя 100 лѣтъ, даже въ лагерѣ враговъ Гуса стали понимать, какое позорное дѣло было совершено надъ нимъ въ Констанцѣ. Духъ же національной свободы, столь родной Гусу и всему славянству, сталъ служить путеводнымъ свѣточемъ для всѣхъ выдающихся чешскихъ дѣятелей: Юрія Подѣбрадскаго, гуситскихъ историковъ Ланфана, Шрека, далѣе: Амоса Каменскаго, Добровскаго, Юнгмана, Палацкаго, Шафарика, Коллара, Ганки, до сихъ поръ живъ еще и воплотился въ братской намъ Чехіи. И теперь, черезъ 500 лѣтъ, можно положительно сказать, что озвѣрѣвшее тупоуміе, хотѣвшее мучительною казнію Гуса погасить огонь его проповѣдей, навсегда заронило къ нѣмцамъ въ чешскомъ народѣ зародышъ недоувѣрія, что послѣднему и помогло, несмотря на многолѣтнее мрачное и тяжкое иго Габсбурговъ, сохранить свою славянскую народность.

Крупный нашъ знатокъ всеобщей исторіи профессоръ В. И. Герье считаетъ личность Гуса центральной въ исторіи среднихъ вѣковъ, потому что движеніе поднятое имъ, касалось самой важной и самой трудной по изученію стороны челоувѣческаго быта—вѣрованій души, т. е. высшихъ тайниковъ чувства и мысли.

Гусъ родился 6 іюля 1369 г. въ Чехіи въ мѣстечкѣ Гусинцѣ, Прачинскаго округа, близъ Баварин; происходилъ изъ крестьянъ и такимъ образомъ всѣмъ высокимъ положеніемъ впоследствии онъ обязанъ былъ исключительно самому себѣ, своимъ природнымъ дарованіямъ. Образование получилъ въ Пражскомъ университетѣ, удостоенъ здѣсь степени магистра, былъ деканомъ и дважды ректоромъ. Одновременно съ университетомъ онъ принимаетъ священство и назначается настоятелемъ въ Прагѣ обширной Виелеемской часовни. Современники говорятъ о Гусѣ, что онъ былъ одаренъ великимъ проницательнымъ умомъ, сильнымъ краснорѣчіемъ, скромностію и строгостію нрава, почти доведенными до полного аскетизма. Съ вѣшной стороны онъ казался блѣднымъ, изможденнымъ. Слогъ Гуса до сихъ поръ поражаетъ насъ удивительною логикою, искренностію убѣжденій и почти

прозрачною чистотою его души. Конечно, при такихъ способностяхъ, его проповѣди въ Виѣдемской часовнѣ привлекали огромныя толпы слушателей, а имя проповѣдника становилось народнымъ.

Съ горячностію Гусъ возставалъ противъ людскихъ грѣховъ и пороковъ, а въ особенности также противъ господствовавшей роскоши и разврата въ католическомъ духовенствѣ. Повидимому подъ вліяніемъ жившаго въ чешскомъ народѣ преданія о начатіи здѣсь христіанства отъ Святого Меѳодія по обрядамъ Восточной церкви, Гусъ началъ настаивать на принятіи причастія мірянами не какъ католики—только тѣла, но и крови Христовой—причастія изъ чаши, отъ чего гуситы назывались чашниками, или причастія подъ обоими видами, и на дорогомъ чешскому народу причащеніи младенцевъ по духу первобытнаго христіанства. Гусъ не могъ оставаться равнодушнымъ и къ злоупотребленіямъ, происходившимъ въ средѣ папской власти, въ видѣ индульгенцій, или отпущенія грѣховъ за плату и къ возмутительной одновременной наличности трехъ папъ, послужившей началомъ т. н. „великаго раскола“ въ Западной церкви. Когда одинъ изъ этихъ папъ Іоаннъ XXIII объявилъ крестовый походъ противъ Неаполитанскаго короля съ прощеніемъ заочно грѣховъ каждому, кто пойдетъ только за него, папу, Гусъ возмутился и сталъ говорить на проповѣдяхъ противъ догмата о непогрѣшимости папы.

Въ Пражскомъ университетѣ происходилъ диспутъ по поводу ученія извѣстнаго англійскаго ученаго Виклефа, также написавшаго книгу противъ власти папъ, а защитникомъ послѣднихъ явился близкій товарищъ Гуса по университету Палечъ, искажавшій слова англичанина: Гусъ съ горячностію указалъ подтасовку и воскликнулъ: „другъ мнѣ Палечъ, но другъ мнѣ и истина, отдаю преимущество послѣдней“.

Какъ ректоръ университета славянскаго, самъ славянинъ, какъ человѣкъ, желавшій видѣть торжество правды въ современномъ обществѣ, Гусъ никакъ не могъ помириться съ дѣйствительностію, до него установившеюся, что изъ четырехъ голосовъ правленія университета три, или большинство, принадлежали нѣмцамъ, а одинъ только чехамъ. Такъ какъ Гусъ зналъ, что Пражскій университетъ основанъ по уставамъ болѣе древнихъ университетовъ Болонскаго и Парижскаго, гдѣ какъ разъ наоборотъ націоналамъ предоставлялось три голоса, а иностранцамъ одинъ, Гусъ при поддержкѣ своей духовной дочери, жены чешскаго короля Венцлава IV и своихъ пражскихъ друзей, добился въ 1409 году году королевскаго подтвержденія за чехами трехъ голосовъ въ своемъ

университетѣ, а за нѣмцами одного. Послѣдніе почти всѣ бросили Пражскій университетъ, а потомъ всякими путями постарались очернить Гуса и способствовали обвиненію его на соборѣ.

Но торжество Гуса было непродолжительно. По многимъ доносамъ, по приказанію папы, всѣ книги Виклефа въ Чехіи было приказано сжечь, а Гусу явиться къ папѣ для отвѣта. За Гуса заступился король Венцлавъ и проповѣдникъ вмѣсто себя отправилъ къ Іоанну XXIII своихъ защитниковъ. Папа продержалъ ихъ въ заключеніи почти полтора года, Гуса отлучилъ отъ церкви, а на городъ Прагу наложилъ интердиктъ, или лишеніе права совершать здѣсь священныя службы.

Взволнованный, Гусъ написалъ свое воззваніе къ Іисусу Христу, которое потомъ его враги поставили ему въ преступленіе противъ авторитета папы; въ немъ онъ говоритъ, что „апеллируетъ къ Владыкѣ и Праведному Судіи, Который знаетъ, защищаетъ и судитъ правое дѣло, чье бы то ни было“. Изъ Праги онъ удалился въ Козій городокъ и здѣсь сталъ продолжать свои проповѣди. Народъ стекался къ нему массами со всей Чехіи. Здѣсь онъ написалъ свой извѣстный трактатъ „о церкви“, сходящійся во многомъ съ положеніями Виклефа, и нѣсколько разсужденій о сохраненіи чистоты чешскаго языка, подготовилъ также на родномъ языкѣ новый переводъ Библіи.

Между тѣмъ, для исправленія всѣхъ церковныхъ дѣлъ и въ частности вопроса о соблазнительной наличности трехъ папъ, Іоаннъ XXIII принужденъ былъ въ ноябрѣ 1414 г. созвать соборъ въ швабскомъ городкѣ Констанцѣ и на него пригласилъ къ отвѣту Гуса. Въ обезпеченіе свободнаго пребыванія на соборѣ Гусъ получилъ охранную грамоту отъ самого Императора Сигизмунда за его подписью, съ которою и отправился на еоборъ. Но повидимому Гусъ не очень довѣрялъ чести своихъ враговъ: передъ отъѣздомъ онъ написалъ бумагу, которую поручилъ „не вскрывать до тѣхъ поръ, пока не получится точныхъ свѣдѣній о его смерти“. Въ другомъ письмѣ къ своимъ ученикамъ онъ какъ бы въ предчувствіи говоритъ, что „считаетъ себя счастливымъ умереть мученикомъ за святое дѣло“.

Въ Констанцѣ Гусъ лишь нѣсколько дней находился на свободѣ, даже говорили, что папа снялъ съ него отлученіе и позволилъ посѣщать церковь, но происки враговъ дѣлали свое дѣло, и вскорѣ онъ былъ подвергнутъ заключенію—сначала въ монастырѣ, а затѣмъ въ мрачномъ замкѣ Готлибенѣ на берегу Боденскаго озера. Нѣсколько разъ, въ присутствіи папы и императора, горячо защищалъ свои убѣжденія Гусъ на соборѣ, но ему все время ставили условіемъ отреченіе отъ заблужденій, изложенныхъ въ ученіи Виклефа. Гусъ возражалъ, что не можетъ солгать, что это ученіе Виклефа, а не его. Тогда на

соборѣ постановили лишить Гуса священства и сжечь его на кострѣ. Но и въ самый день исполненія приговора 23 іюня 1415 г. по нашему стилю, въ послѣдній разъ, попробовали уговорить Гуса.—„Отъ какихъ же заблужденій,—отвѣчалъ онъ,—вы мнѣ предлагаете отречься: я никакихъ заблужденій за собой не знаю. Призываю Бога во свидѣтели, что цѣлью моей проповѣди было учить только отвращать людей отъ грѣха. Съ этой истиной, проповѣдуемой мною согласно съ Святымъ Евангеліемъ, я готовъ радостно встрѣтить смерть“.

Какъ во все время своихъ допросовъ, такъ и въ день казни, Гусъ показалъ рѣдкую стойкость воли. Въ моментъ, когда зашелъ споръ между прелатами, что взять для его разстриженія, бритву или ножницы, онъ имѣлъ еще присутствіе духа замѣтить императору: „Смотрите, они не могутъ даже согласиться на счетъ моего униженія“. По разстриженіи, на бѣднаго страдальца надѣли бумажный колпакъ въ видѣ митры, съ изображеніемъ чертей и надписью: „Ересіархъ“. Гусъ при этомъ съ твердостью сказалъ: „Съ радостію надѣваю этотъ позорный вѣнецъ изъ любви къ Тому, на Кого надѣли вѣнецъ терновый.“ Когда же прелаты произнесли проклятіе: „*Animam tuam devovemus diaboli infernis*“, т. е. „предаемъ твою душу адскимъ демонамъ“, Гусъ воскликнулъ: „А я предаю ее милосердому Богу.“

На большой площади въ Констанцѣ былъ уже заготовленъ костеръ, около котораго столпились принцы, кардиналы, епископы, монахи, женщины, народъ и войска и только одинъ близкій Гусу человекъ, сопровождавшій его изъ Праги,—графъ Глумъ. Гуса привели сюда, привязали къ столбу и зажгли костеръ. Съ поднятымъ къ небу челомъ мужественно встрѣтилъ свою мучительную смерть Гусъ, до послѣдняго издыханія произнося по чешски: „Иисусе, сыне Божій, помилуй мя!“ Пепель отъ его тѣла бросили въ озеро, чтобы послѣдователи не сдѣлали его предметомъ почитанія, но гуситы соскоблили землю на мѣстѣ казни и увезли ее въ Прагу.

Такъ погибъ Янъ Гусъ въ разсвѣтѣ силъ, имѣя всего 46 лѣтъ отъ роду. Враги свѣта и истины хотѣли задушить его благородную душу, но задушили только слабое тѣло, а могучій духъ его продолжаетъ жить между нами, служить звеномъ къ единенію славянъ, въ особенности чувствуясь теперь въ нашемъ заступничествѣ за Сербію, въ выступленіи чешской дружины рука объ руку съ русскими войсками. Черезъ 500 лѣтъ послѣ гибели Гуса въ міровой исторіи совершился полный круговоротъ: могучія силы, бывшія противъ Гуса и его народа въ видѣ долгаго историческаго сближенія тевтоновъ съ

латинскою расою, распались по частямъ, и прежній процессъ латино—нѣмецкой группировки массъ въ настоящее время переходитъ къ благопріятной для насъ группировкѣ Латино—Славянской. Пусть духъ Гуса разсѣваетъ временами врывающуюся тьму въ славянствѣ, крѣпитъ наши характеры, служа символомъ братства, чистоты, искренности и довѣрія въ отношеніяхъ между всѣми славянскими племенами во вѣки вѣковъ.

500 лѣтъ назадъ, въ далеко ушедшей отъ насъ эпохѣ среднихъ вѣковъ, среди тьмы нравовъ тогдашняго человѣчества съ его уродливыми предрасудками, суевѣріями, вѣрою въ вѣдьмъ и лѣшихъ, съ другой стороны—среди полного произвола и нравственного развала, паденія силы, которая должна была стоять на стражѣ общественной совѣсти, когда на престолѣ „Камня“ церкви Христовой, св. Петра, съ твердостью принявшаго мученичество за исповѣдь Божественнаго Учителя, была лишь кучка интригановъ, рвавшихъ папскую власть каждый къ себѣ, не дававшихъ мірскаго успокоенія, отпускавшихъ за деньги грѣхи для своихъ личныхъ удовольствій,—изъ этой среды вдругъ появился яркій лучъ свѣта. Появился онъ въ богатѣйшей тогда въ Европѣ странѣ, намъ единоплеменной—Чехіи, и какъ всегда бывало съ нашимъ славянствомъ, племенемъ крайностей, дававшимъ или смѣшное, или очень великое, появился колоссъ мысли, воли и вѣры.

Для духовнаго дѣла, гдѣ расцвѣлъ великій человѣкъ, нуженъ былъ подвигъ, а для подвига—страданіе, мученичество. Инерція же массъ къ католицизму въ массахъ была еще сильна, прекрасные актеры-прелаты ловко на ней играли; за нѣмцами, схватившими въ свои тиски Чехію, тогда къ сожалѣнію еще стояли латинскія расы. Однако Гусъ стойко и твердо сталъ на высотѣ своего положенія—быть проповѣдникомъ человѣчеству Божіей правды. Онъ высоко и честно понесъ свой свѣтильникъ не въ угоду человѣческихъ страстей, а для ихъ исправленія. Честолюбцы, думавшіе только о самихъ себѣ, хотѣли захватить и Гуса въ свои сѣти, они требовали отъ него только одного слова: „отрекаюсь“. Но Гусъ былъ не наемникъ, а „пастырь добрый“, онъ не захотѣлъ измѣнить истинѣ, не захотѣлъ ни однимъ даже косвеннымъ намекомъ омрачить свой долгъ на высококомъ посту „пастыря“ и положилъ „душу свою за овцы своя“.

Враги и палачи Гуса, приведя его на костеръ и предавъ жестокой мучительной казни, торжествовали его униженіе, его позоръ. Какъ паразиты, полѣзли нѣмцы потомъ на чешскую душу, но подвигъ Гуса указалъ, что дѣлать чехамъ: на его смѣну, какъ лава, двинулись гу-

ситы на паразитовъ, задали имъ жестокую шпарку и трепку, отогнали ихъ отъ своей души, и она осталась славянской. Теперь очередь славянства отогнать ихъ же отъ крѣпкаго чешскаго тѣла, и можетъ быть этотъ просвѣтъ уже виденъ.

Для насъ теперешній костеръ въ память 500 лѣтія кончины Гуса—символь чистоты. Намъ, людямъ, закалившимся въ обычныхъ дрызгахъ и житейской сутолкѣ, хотя разъ въ году нужно вспомнить не огонь костра Гуса, а огонь его проповѣди, проникнуться его завѣтами, что въ единеніи славянства наша общая сила и слава, наше будущее, наша свобода, наша самобытность, наша самостоятельность.

Вѣчная память Гусу и да здравствуетъ единеніе Славянства!

И. С. Бѣляевъ.

